

Монастырь Григориат Святой Горы
Афон

Святое Причастие без маловерия

Святая Гора Афон
2020 год

Гдн І҃сє Хр҃тє, сыне
Бжїи, помилуй ма
грѣшнаго

Монастырь Григориат Святой Горы Афон

Святое Причастие без маловерия

Размышление духовников афонского монастыря Григориат, окормляющих паству в Греции и за её пределами, об изменениях в образе преподания Таинства Святого Причастия ввиду пандемии коронавируса и сопутствующих пастырских проблемах.

* * *

В атмосфере всеобщего страха, вызванного пандемией коронавируса, был оспорен традиционный способ причащения Святых Христовых Таин. Люди, не понимающие, что такое Церковь, равнодушные или враждебные к христианской вере, вбросили и возделали среди напуганного народа идею о том, что общую лжицу нужно отменить, потому что она может передавать болезни и подвергать опасности общественное здоровье. Под влияние этой идеи, к сожалению, попали и

некоторые верующие. Теперь они не решаются причащаться из одной ложки. Они полагают, что подвергают себя опасности. Другие не позволяют причащаться членам своей семьи, боясь распространения вируса у себя дома.

Идея нашла поддержку и у богословов, которые написали, что необходимо снисходить к немощи наших напуганных ближних; что не подвергать их опасности есть человеколюбие; что ложка не является древней традицией; что мы не оскорбляем Таинства альтернативными способами причащения; и что, в конце концов, пришло время отменить «этот нецивилизованный способ причащения посредством ложки».

Очевидно, злокозненный диавол вверг Церковь в новое испытание. Сначала он посеял в нашей душе страх, маловерие и сомнение, что мы будто бы подвергаемся опасности от Святого Причастия, а затем подтолкнул людей облагородить наше маловерие, называя его то снисхождением, то любовью и заботой о наших ближних. Он побудил и некоторых других разрушить нашу веру в преестественное и божественное Таинство Святого Причастия, то есть чтобы мы поверили, что оно

может стать средством распространения болезней. Такими страхами мы самолюбиво поставили своё здоровье выше первой заповеди Божией, которая определяет любить Бога *«всем сердцем, и всюю душою, и всем разумом, и всюю крепостию»*¹ нашей. Мы хотим причащаться Его сомневаясь в Нём!

Изложенные ниже мысли мы предлагаем нашим братьям-христианам, которые любят Христа, хотят жить в Церкви подлинно и истово, стремятся ко спасению во Христе, но боятся и сомневаются причащаться посредством традиционно известной нам святой лжицы.

1. Невольный страх заболеть или умереть простителен, так как мы ещё не приобрели личным переживанием «искуса^{2*} Воскресения»³. Болезнь рождает экзистенциальный страх смерти, преодолеваемый только особенной благодатью Божией. Но если мы как несовершенные люди и устрашились, для Церкви как Церкви страх смерти неоправдан. Церковь обладает опытом Воскресения, в котором нет страха и маловерия (*«совершенная*

1 Ср. Мк. 12, 30.

2 * Опыта. – *примеч. переводчика.*

3 Октоих, глас 3, в неделю утра, стихира 3-я на хвалитех.

любовь вон изгоняет страх»⁴). Этот опыт выражают Святые. Они говорят нам, как подобает причащаться, напоминают, что во времена эпидемий они совершали крестные ходы, служили и участвовали в литургиях и причащались без фобий перед Божественной литургией и общей лжицей Причастия. Имея это предание наших Святых, мы должны скорее каяться в нашем маловерии, нежели требовать того, чтобы стать, в своём напуганном состоянии, новым законодателем в Церкви.

2. Как учит наша Церковь, Божественной литургией мы, христиане, приносим Богу нашу *Евхаристию (Благодарение)*. То есть евхаристически-благодарительно приносим самих себя, наших ближних и всю нашу жизнь Богу, потому что принадлежим Ему, а не себе самим⁵. Мы причащаемся *«со страхом Божиим, верою и любовью»*, *благодаря Христа, умершего и воскресшего за нас*⁵. В этом евхаристическом действии мы соучаствуем чистыми от всякой страсти, ибо говорим: *«Се приступаю к Божественному Причащению. Содетелю, да*

4 1 Ин. 4, 16–18.

5 1 Кор. 6, 19.

не опалиши мя приобщением: Огнь бо еси, недостойныя попяляя. Но убо очисти мя от всякия скверны»⁶.

Теперь, с этой посеянной в нашем уме фобией, охваченные маловерием, мы меняем образ мыслей, расположение и поведение. Мы забываем, что Причастие предполагает евхаристическое-благодарительное расположение и что оно есть *Евхаристия-Благодарение* Богу. Мы показываем, что принадлежим не евхаристически Богу, но самолюбиво себе самим. Мы ведём себя эгоцентрично. Причащаясь так, с маловерием, то есть с мыслью, что можем заразиться болезнью, мы не достигаем цели и очевидно согрешаем.

В древние времена Церковь возносила громкий глас, чтобы двери храма закрывались для непосвящённых, для тех, кто ещё не был крещён («двери, двери»). Также и те христиане, которые тяжко согрешили, стояли в церковном притворе «припадая» или «плача» в течение одного, двух, трёх или более лет. После этого предуготовления они входили в основной храм, стояли «слушая» проповедь и некоторые молитвы и возвращались в притвор вместе с оглашёнными. Только когда они, после

6 2 Кор. 5, 15.

полного покаяния, могли *«со страхом Божиим, верою и любовью»* встать чистыми перед Закалаемым Агнцем, лишь тогда они откликались на призыв служащего священника *«приступите»* к Святому Причащению. Это хорошая древняя практика. Давайте и мы спросим себя сегодня: быть может, нам следовало бы остаться в мысленном церковном притворе «плача» о нашем маловерии, пока вновь не обретём страха Божия, веры и любви, то есть пока не перестанем самолюбиво сомневаться в Победителе смерти. Ведь причащаться подобает достойно. Маловерие, сомнение и противление не составляют хороших предпосылок. Апостол Павел предупредил нас: *«Кто будет есть Хлеб сей или пить Чашу Господню недостойно, виновен будет против Тела и Крови Господней. Да испытывает же себя человек, и таким образом пусть ест от Хлеба сего и пьёт из Чаши сей»*⁷.

3. Если мы, православные, поверили, приняли или, быть может, допустили мысль о том, что Святое Причастие передаёт и распространяет болезни, если мы не воспринимаем (пусть не опытом, но хотя бы верой), что служащий священник, который преподаёт, и верующий, который прини-

⁷ Последование ко Святому Причащению.

мают евхаристические Хлеб и Вино, находятся в пресветлом мраке Царствия, то мы предаём смысл нашего христианского бытия. Святое Причастие должно быть участием в Царствии Отца и Сына и Святого Духа. Иначе на литургии мы играем в театр.

Те, кто подходят к Святой Чаше с божественной любовью, лепеча с сердечным чувством *«усладил мя еси любовью, Христе, и изменил мя еси Божественным Твоим рачением»* и *«сие есть самое пречистое Тело Твое и сия есть самая честная Кровь Твоя»*[□], не согласились бы с нашим неверием. Они не согласились бы причащаться из другой лжицы или без лжицы из одного только страха.

4. В одном издании было опубликовано, что в период ограничительных мер один христианин попросил причастить его. Ему отказали. На следующий день он неожиданно ушёл из этой жизни огорчённым. И не только. Давайте признаемся в этом. Стоит задаться вопросом: с такой маловерной пастырской практикой как мы предстанем перед неподкупным Судилищем? Что мы скажем Господу, справедливому Судии, о всех тех наших братьях, которые нуждались в причастии (боль-

ных, страждущих, умирающих и прочих) и ушли из жизни без небесного Напутствия из-за нашего маловерия?

5. От неправославных мы не требуем того, чтобы они приняли, что Святое Причастие является преестественным Таинством и не передаёт болезней. Да и употребление лжицы не составляет элемента их практики и поэтому они боятся его; а причащение из одной Святой Чаши они отменили уже много веков назад. Те православные из нас, кто живут в инославной среде, должны совершать литургию согласно нашему собственному литургическому Преданию, а не скатываться в общий котёл, где смешиваются различные литургические формы. Такое смешение ведёт к синкретическим тропинкам и богословским претыканиям. Мы будем причащаться без маловерия в Таинство, без той мысли, что через Чашу или лжицу передаются болезни. И если нас будут запугивать взысканиями и неподъёмными штрафами, мы вспомним времена гонений. Церковь во времена гонений без колебаний употребляла альтернативные способы причащения. Она посылала заключённому исповеднику Святое Причастие каким-либо искусным способом. Она не останавливалась перед

изобретением способов к тому, чтобы «напутствие бессмертия» достигло заключённого подвижника божественной любви. С той разницей, что ни заключённым исповедником, ни отважным передатчиком Святого Причастия не владели фобия и маловерие относительно Таинства. Они были переполнены страхом Божиим, верою и любовью. Они причащались с верой, а не с маловерием!

6. Если вдруг мы окажемся в условиях гонений, очень правильным будет найти различные «хитрости», с помощью которых будут причащаться современные исповедники. Но если мы изменим способ причащения из страха, маловерия и самолюбия, то не сможем скрыть своей вины: *«Ибо если мы, получив познание истины, произвольно грешим, то не остаётся более жертвы за грехи, но некое страшное ожидание суда и ярость огня, готового пожрать противников»*[□]. В современном переводе: «Если мы, познав истину, грешим по собственной воле, то для нас не остаётся никакой иной жертвы для прощения грехов, но нас ожидает страшное осуждение и вечный огонь, который будет пожигать противящихся Богу».

Когда сама наша совесть будет вменять нам, что мы не верим в Таинство, тогда нас не покроет никакая кандидатская диссертация о том, «когда в Церкви было введено употребление лжицы», и не оправдает никакая мнимо пастырская чувствительность к тем, которые желают причащаться Жизнодавца, но боятся Его, потому что нелживые уста Христовы некогда изрекли жёсткое, но решительное слово: *«Не хотите ли и вы отойти?»*⁸. И апостол Павел сделался *«для всех всем, чтобы спасти по крайней мере некоторых»*, но не как чуждый закона, а *«как подзаконный Христу»*⁸. Не будучи маловерным и не сомневаясь в Том, ради Которого стал для всех всем. Риторические фигуры богословов-модернистов, говорящих о «вирусе фундаментализма» и других связанных с ним «болезнетворных вирусах церковного тела» окажутся бессильными, когда наша совесть будет обличать нас во грехе. А разве не в самом деле «болезнетворны» маловерие и фобия, идущие к нам от людей, которые не ведают, презирают или даже враждуют с православным этосом и опытом? Не поучительно ли повествование, сохранённое архиепископом Дионисием Александрийским (III век), о бесстрашии, вере и самопожертвовании

⁸ 1 Кор. 11, 27–28.

христиан⁹, которые во время страшной эпидемии поддерживали больных и хоронили умерших, будучи почти уверены, что и сами заболеют и умрут, в то время как язычники убегали в страхе и оставляли без помощи и погребения даже собственных родственников? Когда эти героические александрийские христиане презирали смерть за любовь ко Христу и умирающему человеку, неужели они были бы столь маловерными, чтобы бояться принимать Святое Причастие из одной Святой Чаши (сегодня одной лжицы) у себя в храме?

7. Возвращение к «древнему чину причащения» (как в литургии святого Иакова) не является решением. Во-первых, потому, что древний чин не лишён объективных сложностей (причащение младенцев, престарелых, больных), в силу которых он и был постепенно оставлен. Во-вторых, поскольку причащение божественной Кровью предусматривает и должно происходить из одной Святой Чаши, оно не будет разрешено издающими антицерковные законы политическими лидерами. И в-третьих, потому, что возможная «модификация» этого чина с употреблением мно-

⁹ Последование ко Святому Причащению.

гих лжиц, чтобы избежать причащения из одной Святой Чаши, обнаружит, что мы подвержены страху и маловерию, со всеми их последствиями, о которых было сказано выше. Священник, который в течение многих десятилетий причащает тысячи верующих (здоровых и больных) и, несомненно, без страха потребляет содержимое Святой Чаши, ни в коем случае не будет сомневаться и сегодня побуждать наших напуганных христиан отвергнуть страх и приступить без маловерия к Чаше Жизни. В этой связи соборные решения Вселенского Патриархата и Элладской Церкви, согласно которым нет оснований для изменения способа Святого Причащения, являются утешающими и укрепляющими.

Те из нас, кто испугался, давайте припадём в покаянии к Тому, в Ком мы сомневались, давайте попросим Его прощения в нашем маловерии и «восстановим»^{10**} внутри себя бесстрашие перед Святым Причастием. Потому что пока мы боимся распространения болезней через употребление лжицы, мы низводим Таинство с его божественной высоты и действуем как иконоборцы. Это «восстановление» станет надёжным критерием,

10 Евр. 10, 26–27.

который будет различать богоугодные, ввиду необходимости решения проблемы во время гонения от маловерных её «решений» во время мира. Давайте продолжать причащаться точно так, как причащались раньше, и притом в храме, пока нам оставляют его открытым, даже если и случится, что вместе с нами из одной Святой Чаши будут причащаться страдающие какой бы то ни было болезнью. Давайте не позволять помыслам маловерия овладевать нашим умом и сердцем. Когда Пётр однажды подвергся маловерию, он начал утопать и услышал Господа, говорящего: *«Маловерный, зачем ты усомнился?»*. Если закроют наши храмы, найдутся способы причащения без того, чтобы нами самими *«упразднился крест Христов»*¹¹ из-за неверия в Таинство безграничной любви Божией, причащение Божественной Евхаристии.

Перевод осуществлён монастырём Григориат Святой Горы Афон

Источник: *Ἱερά Μονή Ὁσίου Γρηγορίου. Θεία Μετάληψις χωρὶς ὀλιγοπιστία // Ὁ Ὁσῖος Γρηγόριος. Ἅγιον Ὄρος: Ἰ. Μ. Ὁσίου Γρηγορίου, 2020. Ἀρ. 45. Σ. 115–126.*

11 Ин. 6, 67.

Гдн І҃сѣ Хр҃тѣ, сыне
Бж҃їи, помилуй ма
грѣшнаго